

Русская литература XVIII века: Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей / Под ред. О.М.Буранка. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 368 с.

Рецензируемая книга удачно дополняет серию изданий, предпринятых известным специалистом по литературе XVIII века профессором О.М.Буранком и представляющих научно-методическое обеспечение вузовского курса истории русской литературы восемнадцатого столетия. В данном случае авторский коллектив, в который вошли ученые Самары и Москвы, подготовил оригинальный проект, только в результате отсутствия подходящего именованного получивший скромное название «хрестоматия». На самом деле перед нами собрание текстов XVIII века о XVIII веке – своеобразное автоописание культуры, самосознание культуры.

Выдержки из мемуарных свидетельств, писем современников, критических статей, эстетических трактатов, даже материалов следственных дел, создают эффект эпохи, сознающей себя, – иногда провидчески точно, иногда несправедливо и даже жестоко. Перед читателем предстают основные фигуры литературного процесса XVIII века – от Феофана Прокоповича и Кантемира до Радищева и Карамзина, все направления эстетической мысли – от барокко и классицизма до сентимен-

тализма и предромантизма. Столетие бурных споров, поисков, мировоззренческого и эстетического самоопределения культуры и литературы России обретает в этих материалах стереоскопическую объемность и жизненную достоверность.

Удачно дополняет эту документальную часть книги справочный аппарат: биографические сведения о писателях, словарь упоминаемых в книге имен с краткой, но информативной характеристикой каждого и примечания, которые содержат много полезных сведений и из истории культуры, литературы и языка, и собственно из истории изучения XVIII века.

Предпринятая реконструкция культурного контекста литературы XVIII века оказалась удачной и, бесспорно, будет востребована теми, для кого предназначена эта книга, – студентами, аспирантами, преподавателями.

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой литературы
Гродненского педагогического
университета
Т.Е.Автухович

Грачёв А.Ю. Афганские былинки: Рассказы. Стихи. – Самара: Русское эхо, 2008. – 192 с.

Девятнадцать лет прошло с момента вывода Ограниченного контингента Советских войск из Афганистана. Целое поколение выросло. Одна страна ушла в прошлое, и возникла другая. В самом Афганистане уже семь лет, как идёт другая война... «Полуофициальная Афганская война 1979 – 1989 гг. относится к категории локальных войн, хотя и самых длительных для России (СССР) в XX веке. Официальным мотивом её была помощь союзнику – революционному афганскому правительству против внутреннего контрреволюционного сопротивления. Она велась на чужой, афганской территории, но не имела ни четко очерченного театра военных действий, ни строго

определенного противника»¹. Классическая партизанская война, мобильная, с опорой на военные базы и пункты постоянной дислокации в различных районах страны с крайне сложными природно-климатическими условиями, с привлечением всех родов сухопутных вооруженных сил и авиации. Всего за период с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. в войсках, находившихся на территории Демократической Республики Афганистан, прошли службу 620 тыс. советских военнослужащих.

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: 2006. – С. 232.

Общие безвозвратные людские потери Советских Вооруженных Сил (вместе с пограничными и внутренними войсками) составили 15051 человек (убиты, умерли от ран и болезней, погибли в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев). Пропали без вести и оказались в плену 417 военнослужащих. Санитарные потери составили 469685 человек². В Афганской войне советские войска не потерпели поражения ни в одной военной операции, но политики рассудили иначе. На II Съезде народных депутатов СССР было признано политической ошибкой решение о вводе советских войск в Афганистан. В армии широко распространилось мнение (и ощущение): «Нас предали! Мы теперь никому не нужны...»

Андрей Юрьевич Грачёв – «афганец», один из тех, кто составлял «ограниченный контингент». Восемнадцатилетним юношей он оказался в пекле чужой войны, участвовал в боевых действиях, награждён медалью «За отвагу». Через год после начала службы – тяжёлое ранение, полная потеря зрения; ещё год – госпитали, где раны залечили, но зрение не вернули; и, наконец, демобилизация, долгожданная мирная жизнь. Для всякого пришедшего с войны мирная жизнь – большая проблема: трудно в неё «вписаться», найти своё место. Сколько об этом написано! А каково слепому и при этом очень юному человеку? Но Андрей Юрьевич справился и с этой задачей: получил высшее образование, защитил кандидатскую диссертацию, стал журналистом, преподавателем вуза (доцент А.Ю.Грачёв передаёт свои знания студентам Самарского педагогического университета), пишет и публикует публицистические и научные статьи, учебные пособия для студентов и художественные произведения.

Книга А.Ю.Грачёва называется «Афганские былинки» – сборник рассказов и стихотворений о войне в Афганистане. На наш взгляд, это одно из лучших произведений об афганской войне, лучше любого документального или монографического исследования. Художественное слово передаёт атмосферу тех событий. Как известно, историк и писатель на событие смотрят по-разному (эту разницу отметил ещё Аристотель: историк говорит о

том, *что* было; поэт – о том, *как* было); для историка важны факты, цифры, выражающие сущность события; писатель же старается показать душу человека, творящего и переживающего событие. Человек на войне – вечная тема мировой и отечественной литературы.

Двадцать с лишним лет А.Ю.Грачёв писал свою книгу о войне – об афганской войне. В ней он выразил свою боль, свои переживания, свои чувства, не оставлявшие и не оставляющие его много лет. Всё это просилось на бумагу, такое сложно в себе носить; более того, такое нельзя таить на дне души своей. Всё пережитое должно закрепиться в слове, в художественном образе: «Не были, а так – былинки. Но они живые, они оттуда... Они написаны не для истории, а для души. Но если пробились, если живые, то и в вашей душе – прорастут»³. И прорастают...

Всей душой отзываясь на каждый рассказ, то плачешь, то смеёшься. Читаешь – так и хочется спросить: «А это было?», «А это?». Андрей Юрьевич ещё в предисловии очень хорошо сказал: «И не нужно спрашивать: было – не было. Всё было когда-то и не было никогда» (с. 8), – ответив на все наши вопросы. Безусловно, большинство эпизодов взято из реальной жизни (Андрей Юрьевич рассказывал нам о некоторых ситуациях из своей службы в Афганистане). Читая, мы искали, где же он – рядовой сапёр Андрей Грачёв, – и не находили. Но в то же время видели, ощущали его присутствие в каждом рассказе. Какие-то свои личные черты, характеристики, наблюдения автор щедро распределил по всем рассказам, среди всех своих героев. Но отдельные моменты сомнений не вызывают: это было точно с ним: история с котом («Кот»); добывание и изготовление «средства от ностальгии» («Дрожжей, дрожжей надо меньше! А главное – не закрывать, естество своё возьмёт...» – «Ностальгия», с. 83), потеря зрения и первые ощущения этого («День прошёл»); проплов («Тонкое дело») и картошку («Чудо»); случаи с сапёрами («Собачник») и т.д.

Книга сильная, стоящая, по-настоящему талантливая и... добрая. Читается она тяжело, но не потому, что язык тяжелый, наоборот – он лёгкий, живой, интересный (правда, в книге не хватает словарика: многие привычные для

² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: 2001. – С. 536 – 538.

³ Грачёв А.Ю. Афганские былинки. – Самара: 2008. – С. 8. Далее страницы указываются в тексте.

«афганцев» термины, слова, обороты для непосвящённого читателя не понятны. Но, с другой стороны, всё это (именно *без* словарика!) даёт необыкновенный колорит. Читатель погружается в эту атмосферу, как некогда они сами – восемнадцати-девятнадцатилетние мальчишки, у которых тоже не было «словарика», но был автомат и приказ... «...в абсолютном своем большинстве это была молодежь, попавшая на войну прямо со школьной скамьи. То есть люди, почти не имевшие жизненного и социального опыта, неожиданно оказались в чужой стране, в непривычной и враждебной среде, в экстремальных обстоятельствах. Следствием чего явилась высокая степень эмоциональности в отношении к событиям и окружающей действительности»⁴.

Книга читается тяжело потому, что речь идёт об очень трагических вещах: человек на войне. Сама война в рассказах А.Ю.Грачёва – на втором плане, в подтексте, как фон, а описываются жизнь, быт молодых людей, оказавшихся в условиях войны – непонятной, ненужной, почти тайной. Афганистан существовал одновременно как бы в двух измерениях – в средневековье XIV века⁵ и в новейшем XX веке: ужасающая бедность, фанатичная религиозность, нормы и обычаи средневековья; и в том же месте – наимоднейшие «шмотки», заграничные магнитофоны, телевизоры, часы, духи, новейшее импортное оружие моджахедов. А жизнь есть жизнь – даже в нечеловеческих условиях. Отсюда много юмора в книге, хотя часто (что вполне естественно) он почти на грани «чёрного» (всё это было бы смешно, если бы не было так грустно и... страшно). Много юмора, например, в рассказах «Гитара», «Хор имени Пятницкого», «Ностальгия», «Ложка», «Гигиена», «Санитарный день». Да юмор есть в каждом рассказе! В русской литературе были и «смех сквозь слёзы», и «слёзы сквозь смех», а здесь и смех, и слёзы – рядом, существующие в тексте (и в жизни!) даже не параллельно, а одновременно. «Рота... смеялась до слёз и сухими глазами плакала» («Блокнот», с. 12).

«Блокнот» открывает сборник рассказов «былинок». Первый рассказ принципиально

значим в композиции книги. Юрка Ковалёв, диктовавший письма всей роте, каждую свободную минуту что-то писал в своём блокноте, и сослуживцы относились с пониманием: «Писатель...» (с. 9). Он погиб от шальной пули ночью, во время сна. Это первая смерть в книге – случайная, нелепая, потрясающая до глубины души своей несправедливостью. «И ещё поразило, как невозможно спокойно осталось всё кругом. За обедом обедали, за ужином ужинали. Ели без аппетита, но ели, разговаривали тихо, но не о нём... Получалось так, как говорил Юрка. Не было его в настоящем, не существовало, а пробирало. И пробирало так, что он вроде бы существовал» (с. 11). Дождавшись, пока рота заснёт, Шурка Линьков взял блокнот Ковалёва и «приступил. Не задумываясь, не подбирая слов и прямо с того места, где обрывалась строка» (с. 11 – 12). И тут оказалось, что рота не спит: то один, то другой стали просить написать о Ковалёве что-то памятное для каждого из них. «Всё вокруг за скрипело, придвинулось и ожило. Уцелевшая от караула рота наперебой диктовала, и Шурка едва за ней поспевал... Всем было грустно и отчего-то пронзительно хорошо». Утром ротный Фомин «пролистал блокнот и на середине с удивлением остановился. Сразу после мельчайшего бисера было неумело и старательно выведено: «Блокнот», а чуть ниже, коряво, но с той же твердостью Линьков написал: «рассказ» (с. 12).

Смысл всей книги может быть охарактеризован одной фразой из рассказа «Здесь был Вася»: когда солдаты прочитали заметку в газете «Правда» о том, что их здесь нет, они решили оставить надпись на самой высокой скале, что они здесь есть, составили целый список более чем из пятисот фамилий. И когда инициатор полез писать, его сразил снайпер. Но на следующее утро вместо традиционной формулировки «Здесь был Вася» на вершине скалы утверждалось: «Вася был здесь». Возвращение прямого порядка слов делает фразу пронзительной, трагически многозначной. И эта фраза была правдой, а газета с её ложной информацией – «неПравдой».

Каждый рассказ – о человеческих отношениях, о благородстве и низости, смелости и трусости, смекалке и хитрости, надежде и отчаянии, о любви и ненависти. Всё обычно, как и бывает в жизни. Но всё это *обычно* в мирной

⁴ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: 2006. – С. 238.

⁵ Реальность исламского летоисчисления.

жизни. А здесь, в условиях войны на чужой земле, человеческие чувства и отношения имеют уже совсем другое измерение. Герои А.Ю.Грачёва совершают воистину героические поступки – и даже не осознают этого, ибо они просто живут, как диктуют им совесть и обстоятельства.

В последнем рассказе («Зимняя сказка») вся рота дружно собирает Красильникова в отпуск, но отпуск не состоялся («Приказом командующего все отпуска с этого дня отменены», с. 178). Вместо отпуска расстроенный и надерзивший начальству Красильников оказался на «губе». И он, и сочувствующая ему рота переживают настоящую драму. «– Чего хочешь, скажи!.. И Красильников сказал: – Домой хочу! – и заплакал неожиданно, по-детски и навзрыд» (с. 177). Его пытались утешить: уже составляют списки для майского «дембеля», но в него включают только лучших. На следующий день он на каменоломне работал лучше всех «губарей»: «...так долбил камень, с такой яростью вгрызался в гранит... Он хотел, чтобы долетело до штаба, чтобы непременно услышали и учли. Чихал от каменной пыли, ухал и неустрашимо ломился в дембель. И его слышали. <...> Измученный жизнью комбат не выдержал... и позвал дневального: – Скажи этому, пусть прекратит!.. Домой поедет в первой партии» (с. 178). Дневальный со всех ног бросился с этой новостью к Красильникову: «Домой, Синий, домой! – И уже на полдороге, чуть не споткнувшись, вспомнил, что никакого дома, кроме палатки, у Синего нет, потому что он всю свою жизнь – от рождения и до армии – был детдомовским» (с. 178). Это последняя фраза рассказа и, стало быть, всей книги – открытый финал, поражающий своей конкретикой и символичностью. Как рвутся солдаты домой (это нормально!), еще не подозревая, что многие, даже имеющие родной дом, переживут «детдомовское» ощущение, услышав от военкоматских и прочих чиновников: «Мы вас туда не посылали», а стало быть, и не обязаны помогать «аф-

ганцам» в решении свалившихся на них проблем мирной жизни.

Завершается книга подборкой стихотворений (9 текстов), написанных А.Ю.Грачёвым в разные годы: «Солдатская песня» (1982), «Баграмский ветер» (1996), «Песня десантного батальона» (1982), «Письмо в никуда» (1983), «Афганский вальс» (1988), «Дембельская отходная» (1986), «Баллада о синей птице» (1989), «Песенка о времени» (1989), «Ненастье» (2007). Не случайно многие из стихотворений имеют жанровое определение – «песня», они написаны для исполнения под гитару (А.Ю.Грачёв прекрасно играет и поёт), в них много переключек с различными лирическими произведениями русской литературы, но много и своего, «грачёвского», – и в сюжете стихотворений, и в их мелодике. Нас особенно потрясло (до слёз!) последнее стихотворение – «Ненастье», одновременно и очень личное, интимное (оно о жене, Елене Николаевне), и общечеловеческое по своей сути.

...Вот такое выпало ненастье –
Проводила парня на войну.
Ждёт девчонка, на аллеях пусто,
Не невеста, не жена, не мать.
Просто есть такое женское искусство,
Очень женское искусство – ждать.

А.Ю.Грачёв работает над новой художественной книгой – о судьбах бывших «афганцев». И «Афганские былинки», и его новая книга о «войне и мире» «афганцев» найдут своих благодарных читателей. Эти книги нужны – «чтобы помнили», помнили не только о погибших на полях сражений объявленных и необъявленных войн, но и о живых, о тех, кто выжил и вернулся.

Кандидат филологических наук, доцент
Н.А.Буранок,
Аспирант Самарского государственного
педагогического университета
А.О.Буранок

Привалова В.М. «Орнамент. Штрихи психологического портрета». Методическое пособие. – Самара: Изд-во СГПУ – СамНЦ РАН, 2005. – 96 с.

Содержание рецензируемого методического пособия емко и неоднозначно по заглавию, а также прекрасно и богато издано. Открытие качественно нового видения, а именно это и наличествует в работе, в областях, смежных с психологией как наукой, всегда трудоемко и сложно как для исследователя, но еще более трудно для читателя данной работы. В связи с этим, остановлюсь на некоторых положительных и одновременно достаточно проблематичных аспектах представленного материала.

Первое. Среди множества современных психологических теорий, концепций, подходов трактовка орнамента, как знаковой системы, в психогенезе развития человека достаточно плодотворна. Заявленное В.М.Приваловой направление психологического исследования орнаментальной культуры избыточно широко (для рамок данного пособия!). Это, несколько, умаляет значимость представленного исследования орнамента как артефакта культуры и, одновременно, психосемантической единицы в истории культуры.

Второе. Книга В.М.Приваловой представляет большое количество тем, проблем, направлений по исследованию орнаментальной культуры, приближая заявленный материал по форме более к монографии. Однако автору не всегда удается найти подобающую замыслу языковую форму. Причина – в отсутствии знаковых пересечений внутри объектного мира «Орнамент. Штрихи психологического портрета» не проявленного (в тексте) психосемантического взаимодействия всех смысловых значений исследуемого материала.

Третье. Теоретический аппарат, используемый В.М.Приваловой, по восприятию орнамента как знаковой системы является традиционным, однако, семантически свернут и обозначен как «Штрихи психологического портрета – «Орнамент». Названное словосочетание является более метафорой, чем результатом исследования орнаментальной культуры. Этому способствует, с одной стороны, сложность самого предмета – «Орнамент как психосемантическая единица культуры», а с другой – смысловая «размытость» современных теоретических и прикладных аспектов взаимодействия психосемантики с психологией смыслового

восприятия (возможная объяснительная модель). Штрихи «психологического портрета» несколько фрагментарны, на мой взгляд, так как понятие «портрет» приложим более к описанию персонифицируемого субъекта, но не к результатам (артефактам) художественного творчества человека ушедших культур и цивилизаций. Недоработкой методических материалов пособия по изучению орнамента является академически не выверенный язык, а также тезаурус (понятийный аппарат) исследования, некоторая многозначность понятий, замечены некоторые стилистические, синтаксические и орфографические недочеты.

Несомненной заслугой, первой у В.М.Приваловой книжки вышедшей в 2005 году, является многокрасочно звучащая полифония черно-белого видения орнаментов, их аранжировка в одной из частей книги – «Приложения». Совокупность орнаментов, как артефактов культур и цивилизаций «оживает» на страницах книги. Перечень объектных миров, представленных в «Приложениях», обширен и обозначен следующим смыслом: «Примитивное искусство. Ткани, деревянная резьба, росписи», «Мавританское искусство», и далее «Средние Века: Мозаики XII в., «Египетское искусство: Настенные росписи. Декоративные занавески», «Римско-византийское искусство».

В заключение, хочется приветствовать сам факт представления материалов психологического исследования орнамента, что весьма значимо для широкого круга специалистов, работающих в междисциплинарных сферах семиотики, культуры, художественного творчества и психологии.

Доктор филологических наук, профессор
О.Д.Кузьменко-Наумова